

## ЮКАГИРЫ

До недавнего времени в социальной жизни юкагиров преобладали традиции материнства и матрилинейности. Можно предполагать, что до прихода тунгусов в северо-восточную Якутию юкагиры жили небольшими материнско-родовыми общинами, в которых счет родства велся по женской линии. Однако в результате тесного взаимодействия с тунгусами архаические основы юкагирского общества были частично разрушены, а частично видоизменены в сторону отцовского начала.

Именно этим можно объяснить диаметрально противоположные оценки принципов вступления в брак у юкагиров, которые мы встречаем в литературе. По свидетельству В. И. Иохельсона, большинство браков юкагиры заключали внутри рода, у них преобладал «эндогамический» брак «с самыми близкими, кровными и некровными» родственниками; по Н. И. Спиридонову же, юкагирский брак был «строго экзогамным» (Иохельсон, 1898, 35; ААН, ф. 47, оп. 2, д. 162, л. 62).

Противоречивые оценки традиционных норм брака встречаются и в самом юкагирском фольклоре.

Факты кровосмешения в юкагирском фольклоре фигурируют как весьма заурядные и не осуждаются рассказчиками. Так, в «Рассказе о старике с реки Шои» повествуется о том, как юкагир, похитивший

чужую жену, бежал с нею в уединенное место, наплодил детей и женил сыновей на дочерях. Однако в другом предании отмечается, что когда мужчина захотел жениться на сестре, она указала ему, что на это рассердится Солнце (Jochelson, 1910, 143).

В известный нам период истории юкагиров (XVII—XX вв.) у них, насколько можно судить, существовала билинейная экзогамия, согласно которой половое общение разрешалось в обеих линиях родства, за исключением самых близких родственников со стороны отца и со стороны матери. Молодой человек мог одновременно ухаживать за несколькими девушками. Девушка также принимала ухаживания сразу нескольких парней. Любовные отношения не скрывались ни от родителей ни от общества (Шаргородский, 136—141).

Имеющиеся данные свидетельствуют о существовании у таежных юкагиров гостеприимного гетеризма. В одной из сказок говорится, что в жилище юкагирского «князца» пришел неизвестный парень. Князец предложил старшей дочери: «Корми». Дочь отказалась: «Не буду кормить». Средняя тоже отказалась, согласилась лишь младшая. Она «варила, кормила. Потом, когда стемнело, спать легли. К той, которая кормила, отец положил парня» (Иохельсон, 1900, 18—19).

Аналогичный пример Иохельсон приводит из собственной полевой практики. Его переводчик верхнеколымский юкагир Алексей Долганов на вопрос, обращенный к хозяину чума, где ему лечь, получил ответ: «Ложись с детьми». У хозяина было две дочери, и Долганову предоставлялся выбор, с которой из них лечь в постель (Там же, 19).

Юкагиры укладывали гостя с незамужней женщиной или девушкой. Ее возлюбленный или жених вынужден был подчиняться данному обычаю (Jochelson, 1910, 65). Совместная постель, однако, не означала, что женщина была безропотным орудием гостеприимства. Старые юкагиры говорили Иохельсону: «Умная женщина не снимет передника, если не любит» (Иохельсон, 1900, 19).

В конце XIX в. при заключении брака юкагирская девушка формально не участвовала в переговорах. Но сватовство начиналось только после того, как родители получали ее согласие. Родители могли отказать ей в браке с тем, кого она избрала в мужья, но в этом случае она продолжала неофициальные отношения со своим возлюбленным (Jochelson, 1910, 89—90).

Сватовство сопровождалось определенным обрядом: после изложения сватом просьбы жениха выдать за него дочь, ее отец брал топор и валил в лесу сухое дерево. Жених должен был поднять дерево и перебросить его через чум своей невесты. Если жених не устраивал почему-либо родителей или невесту, дерево выбиралось потолще — такое, какое было не под силу поднять одному человеку (Иохельсон, 1900, 226).

Брак у таежных юкагиров вплоть до начала XX в. имел преимущественно матрилокальный характер. Сват говорил отцу невесты: «В свой дом пусти [жениха] своим дитятей». Согласившись на брак, родители говорили: «Сына имеем, наши кости хорошо уложить сумеет!» (Там же).

Какой-либо брачной церемонии при переходе мужчины в семью жены у юкагиров, вероятно, не существовало. При удачном завершении сва-

товства жених ночью «тайком» — как он это делал уже давно — приходил в полог своей избранницы. Но в данном случае он припрятал с собой ружье и лук и ставил их на видном месте. Утром он вставал поздно, на глазах у всех, как старый член семьи (Там же, с. 222—223).

Случалось, что жених не засыпал свата, а просто начинал колотить дрова для тестя, накладывая поленницу выше чума. Если тесть был согласен принять зятя, он на четвертый день начинал пользоваться дровами. Зять брал свой лук со стрелами, являлся ночью в чум тестя и оставался у него (Там же, с. 226).

Перейдя жить к жене, муж во всем повиновался старшим членам ее семьи и отдавал им всю добычу. Однако после рождения у молодоженов ребенка муж мог использовать часть своей добычи по собственному усмотрению. После смерти старших членов семьи или после их ухода в другие семьи муж становился главой семьи (Jochelson, 1910, 91—92).

Младшая дочь и младший сын в юкагирской семье всегда оставались с родителями. Собираясь жениться, младший сын начинал работать на своего тестя, но когда невеста становилась его женой, он уводил ее к себе (Там же, 92, 109). Данное исключение из общего правила учитывало интересы престарелых родителей.

У коркодонских юкагиров (река Коркодон — правый приток верхней Колымы) еще не так давно родня женщины опекала ее сына до того, как он становился совершеннолетним. Родня могла забрать детей у отца в случае смерти их матери. Родство по матери считалось важнее, чем родство по отцу. «Женщине ни в чем не перечили» и в случае дурного обращения с ней мужа — при патрилокальном браке — она была вольна от него уйти (АИЭ. Фонд Северной экспедиции. Полевые материалы автора, 1969, тетр. 1, л. 43 об. Далее: ПМ). По словам нашего информатора Е. И. Шадрина (пос. Нелемное)\*, еще недавно, когда верхнеколымский юкагир или эвен собирался жениться на юкагирке, ему предлагали «взять ее фамилию» и «войти в ее род». Если же жена по требованию мужа все же переходила к нему, считалось, что он поступает против обычаев (ПМ, л. 63).

Поскольку муж, как правило, переходил к жене, вместе с ним обычно переходила и та часть его кровных родственников, которых он кормил и опекал. Таким образом создавалась большая семья юкагиров, которую Йохельсон называл «составной семьей». Численность таких семей сильно варьировала. В XVII в. они могли включать до 10—15 взрослых охотников и тем самым состоять из 30—60 человек. В XIX—начале XX в. численность составных семей редко превышала 20—30 человек. В семью вышеперечисленного Е. И. Шадрина, когда он был молод, входили жена, дети, родители жены, три его сестры, старший брат с женой и дочерью (ПМ, л. 63 об.).

Нормальное функционирование составной семьи обеспечивалось определенными правилами, регулирующими общение между полами. Йохельсон выявил у верхнеколымских юкагиров запрещение на разговоры о незамужних женщинах между близкими родственниками-мужчинами

\* На р. Ясачной, левом притоке верхней Колымы.

и на подобные разговоры о мужчинах — между женщинами. Аналогичные запреты существовали и у ряда других юкагирских групп.

Верхнеколымские юкагиры называли свой «обычай неговорения» термином *нэксинни*, тундровые юкагиры — термином *мэнэнайни*. Оба термина означают «взаимно стесняться». Подвергшиеся культурному и языковому влиянию эвенков нижнеиндигирские юкагиры называли тот же обычай эвенским термином *тункамэтэк* в аналогичном значении. На нижней Яне обычай неговорения на рубеже XIX—XX вв. уже не сохранился (Иохельсон, 1898, 35—36).

Благодаря существованию данного обычая целые группы родственников и свойственников у юкагиров практически не общались друг с другом, что предотвращало возникновение семейных конфликтов.

У верхнеколымских юкагиров в разговоры не вступали тесть и теща — с зятем, свекор и свекровь — с невесткой, мужчина — с мужем младшей сестры, женой младшего брата и со старшим братом жены, женщина — со старшим братом мужа. Все они «взаимно стеснялись». Лица, связанные взаимным неговорением, обозначались верхнеколымскими юкагирами термином *ниал*, тундровыми — термином *найл* (Куритов, 94—96).

Анализ приведенных категорий родства показывает, что «взаимно стеснялись» преимущественно кровные родственники и свойственники, относившиеся к разным возрастным категориям: для мужчины — это женщины младшего поколения, для женщины — мужчины старшего поколения. Это подтверждается наличием у юкагиров общего термина для обозначения младшего брата и младшей сестры: *эмдэ* (*эмджэ*) — на верхней Колыме, *эмдэн* (*эмджэн*) — в алазейской тундре (Крейнович, с. 280, 284).

В конце XIX—начале XX в. бескалымный брак стал сменяться у таежных юкагиров браком с отработкой за жену в хозяйстве тестя. В рукописи «Об юкагирах (одулах)» (1933 г.), обнаруженной нами в материалах Магаданского музея, автор — бывший учитель в пос. Нелемное П. И. Борисов — писал: «Женившись, мужчина обычно до рождения первого ребенка живет с родителями жены (отрабатывает). После появления первенца жена идет в дом мужа или же, наоборот, муж остается в семье родителей жены» (Гос. архив Магаданской обл., ф. Р-50, оп. 2, д. 7, л. 7).

Брак с отработкой был широко распространен у тунгусов и по существу, видимо, представлял собой один из вариантов калымного брака.

В конце XIX в. у верхнеколымских юкагиров встречался также брак путем обмена женщинами между двумя семьями. В этом случае мужья оставались в своих родных семьях, а переходили только женщины (Jochelson, 1910, 92). Данный способ заключения брака широко бытовал у тунгусов и, так же как и обменный брак, позволял обзавестись женой без внесения выкупа.

Тундровые (нижнеколымские, алазейские, нижнеиндигирские, нижнеяньские) юкагиры, находившиеся под большим влиянием тунгусов, в конце XIX—начале XX в. практиковали калымный брак. Согласно утверждению Иохельсона, они не только вносили калым, но еще и отра-

батывали жену в хозяйстве тестя (Иохельсон, 1898, 36). При этом жена, естественно, переселялась к мужу. Зять жил у родителей невесты от одного до трех лет. Указанный период рассматривался как испытание его качеств охотника, рыбака, оленевода и т. д. Ему могли отказать от дома, и он уходил (Jochelson, 1910, 93).

Несмотря на существование калымного брака, тундровые юкагиры не приняли характерного для тунгусов обычая левирата, основывающегося на представлении о женщине как собственности семьи мужа. У тунгусов после смерти мужа на вдове женился его младший брат, обязанный заботиться о семье покойного. У юкагиров Алазеи этот обычай не привился. «Младший брат и так помогал вдове, без женитьбы на ней», — говорила нам алазейская юкагирка Е. Н. Курилова. Левират здесь считался чукотским обычаем, поскольку алазейские эвены его также не практиковали. Характерно, что более западные индигирские юкагиры и эвены смотрели на левират как на «грех» (ПМ, 1970, тетр. 1, л. 67 об.) Наши материалы указывают на то, что и здесь родство по женской линии имело приоритет над родством по мужской линии (Там же, л. 63).

#### Литература

- Авадырский край. Рукопись жителя села Марково г. Дьячкова. Владивосток, 1893.  
*Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.  
*Иохельсон В. И.* Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов. — Изв. Восточно-Сибирского отд. РГО, 1898, т. XXIX.  
*Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958.  
*Курилов Г. Н.* О терминах родства и свойства у тундровых юкагиров. — СЭ, 1969, № 2.  
*Шаргородский С. М.* Об юкагирских письменах. — Землеведение, 1895, № 2/3.  
*Jochelson W. J.* The Jukaghir and jukaghirised Tungus. New York, 1910, t. IX.